

ЛЕКСИЧЕСКАЯ КОНТАМИНАЦИЯ КАК СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПРИЕМ И ЕЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ПРОЗЕ В. НАБОКОВА

Использованные в прозе В. Набокова окказиональные слова-контаминанты рассмотрены с точки зрения особенностей их структуры и роли в создании речевой художественной формы произведения. Установлено, что в произведениях Набокова основные разновидности лексической контаминации – междусловное наложение и агглютинация сегментов двух слов, – являясь способами выделения художественно активизированных лексических единиц, выполняют каждый раз особую художественную функцию.

Ключевые слова: контаминант; речевая художественная форма; окказионализм; междусловное наложение; агглютинация сегментов двух слов.

В. Набоков заслуженно признан «по преимуществу художником формы, писательского приема, <...> формальная сторона его писаний отличается исключительным разнообразием, сложностью, блеском и новизной» [1. С. 247]. Эта особенность произведений Набокова делает их особенно благодатным материалом для анализа с точки зрения речевой художественной формы как уникальной в каждом отдельном случае системы реализации автором разного рода приемов, способов и средств превращения исходного языкового материала в эстетически значимые единицы художественного произведения [2. С. 215–216].

В число приемов создания речевой художественной формы литературного произведения следует включить и контаминацию, с помощью которой выявляются позиционные возможности слова, его способности к комбинаторным изменениям. Цель настоящего исследования – анализ особенностей структуры и функционирования приема лексической контаминации в произведениях Набокова – предполагает описание основных свойств этого явления.

Согласно существующим определениям, контаминация представляет собой «соединение, смешение языковых единиц» [3. С. 159] или «объединение структурных элементов двух языковых единиц» [4. С. 238] «на основе их структурной, функциональной или ассоциативной близости, приводящее к их семантическому или формальному изменению, а также к образованию новой языковой единицы» [5. С. 197], называемой контаминантом. Возможно образование лексических (напр.: *парашиот* + *акваланг* = *параланг*), фразеологических (напр.: *кануть в Лету* + *отойти в вечность* = *кануть в вечность*) и синтаксических контаминантов (напр.: *Глядя в окно, у меня слетела шляпа*).

Лексическая контаминация представляет собой соединение в одно целое частей разных слов или одного целого и части другого слова, результатом чего становится образование новой лексемы [6], например: *биология* + *электроника* = *бионика*, *каламбур* + *буркнул* = *каламбуркнул* (И. Ильф).

Существуют два структурных типа лексической контаминации: междусловное наложение и агглютинация сегментов двух слов [7. С. 86–88]. При контаминации, осуществленной путем агглютинации, происходит замена конечного компонента одного слова конечной частью другого (напр.: *велосипед* + *автомо-*

биль = *веломобиль*), структурная схема такого взаимодействия имеет вид $[ab + a\beta = a\beta]$. При наложении происходит соединение целого слова и элемента другого слова, имеющего с первым общий компонент (напр.: *морДальон* (А. Аверченко) = *морДА* + *меДальон*), или же соединение одинаковых по звучанию начала одного слова и конца другого (напр.: *дуРокрыты* (И. Катаев) = *дуРаки* + *бюРокрыты*). Структурная схема наложения может выглядеть как $[a (b = \alpha) \beta]$, $[a (b = \beta) \gamma]$ и т.д.

При сопоставлении разных типов контаминации обнаруживается, что лексические контаминанты, различающиеся способом соединения элементов исходных единиц, отличаются друг от друга и по условиям, лежащим в основании соединения этих элементов.

«Основанием контаминации при наложении является совпадение структурных элементов исходных единиц по форме» [8. С. 81], т.е. тождество отдельных звуков или их комплексов у двух слов, например наличие совпадающего сочетания звуков *-да-* в словах *медальон* и *морда*. В роли совпадающего компонента при наложении может выступать всего один звук, однако в этом случае обе части соединяемых слов должны быть достаточно объемными, чтобы эти слова оставались узнаваемыми (напр.: *моЯгода*, *моЯбло-ня* (С. Кирсанов)), или же дублироваться контекстом, например, часть слова *леший* в контаминанте В. Высоцкого *лешевелора* можно распознать благодаря окружающему этот контаминант контексту: *Такие дела: лешачиха со зла, лишив меня лешевелоры...* Исходные элементы при наложении могут быть не связаны между собой семантически, что дает основание признать этот тип взаимодействия в основном формальным.

На иных основаниях строится контаминация при агглютинации. Здесь исходные компоненты не имеют в своем составе одинаковых по форме элементов (*мотоцикл* + *велосипед* = *мопед*, *белуга* + *стерлядь* = *бестер*), необходимое же по определению сходство исходных компонентов контаминанта имеет не формальный, а семантический характер, поэтому агглютинируются единицы, обладающие определенной семантической общностью [Там же] (ср.: *белуга* и *стерлядь* – рыбы семейства осетровых, *мотоцикл* и *велосипед* – двухколесные средства передвижения). Таким образом, тип структурного взаимодействия при лек-

сической контаминации (наложение или агглютинация) оказывается зависимым от того, какого рода отношения (формальные или семантические) устанавливаются между исходными единицами.

Контаминанты в основном представляют собой искусственно сконструированные единицы окказионального характера. Вместе с тем использование при их образовании типовых механизмов наложения и агглютинации для создания определенного художественного эффекта позволяет говорить о контаминации как о повторяющемся стилистическом приеме [9. С. 127; 10. С. 272]. Широкое распространение прием контаминации получил в художественной литературе и публицистике конца XIX–XX вв., в период возникновения в структуре литературного произведения речевой художественной формы как его отдельного художественного уровня. При использовании лексической контаминации в качестве стилистического приема, как и при любых других преобразованиях формы слова в стилистических целях, «намеренная (со стороны автора) деформация закрепленной в норме словообразовательной структуры <...> порождает эффект частичного “поновления” слова либо даже приводит к эстетическому “разлому” слова» [11. С. 69]. Данный прием использовался чаще всего для выражения иронии, придания речи оттенка шутовности, а также как средство создания каламбуров (напр.: *гроссбужем* (В. Маяковский), *изувекочечил* (М. Светлов), *Толстоевский* (один из псевдонимов И. Ильфа и Е. Петрова) и т.д.

В. Набоков использовал контаминацию как один из способов эстетического выделения-выдвижения обозначаемого объекта [2]. Эстетическую значимость этого приема отметил и сам писатель, назвав контаминант в речи одного из своих персонажей *преlestным гибридом* (примерно в это же время слово *гибрид* в контексте контаминанта использовал поэт С. Кирсанов: *Дичок привит, и вот – гибрид! Моягода, мояблоня!*) [12. Т. 3. С. 37]. В произведениях В. Набокова можно встретить как лексические, так и фразеологические контаминанты (напр.: *зарябило под ложечкой* [12. Т. 3. С. 407] = *зарябило в глазах + засосало под ложечкой*), а также синтаксические контаминанты (напр.: *доктор... необыкновенно охотно отвечал, что да, как же, это бывает = доктор отвечал, что это бывает + доктор необыкновенно охотно отвечал: «Да, как же, это бывает»*).

В русскоязычной прозе Набокова лексические контаминанты немногочисленны, но разнообразны по форме и выполняемой ими роли. В его романах и рассказах используется как агглютинация сегментов двух слов (*Геликс и Ферман = Герман + Феликс*), так и междусловное наложение (*разбильон тарелок = разбить + бильон*). Однако в отличие от контаминантов, используемых большинством других литераторов, контаминация у Набокова не служит исключительно средством создания комического, но выполняет и другие функции, способствуя достижению сложного, многоуровневого художественного эффекта.

Например, **междусловное наложение** использует Набоков каждый раз в новой речевой художественной функции. В частности, контаминант *присло-*

вица (*присловье + пословица*) в рассказе «Красавица» служит целям компрессии текста, сокращая ряд однородных членов предложения (*присловья, пословицы, прибаутки, подражания*). Окказионализм Набокова выгодно отличается от окружающих его просторечных слов и жаргонизмов (*тончик, кинемонька, дилля, мрак!*) своей новизной и оригинальностью. Вместе с тем в контексте, описывающем жизнь кружка русских эмигрантов, где *Завелся особый лихой тончик. «Пошли в кинемоньку». «Вчера ходили в диллю». Был спрос на всякие присловицы, прибаутки, подражания подражаниям. «Не котлеты, а мрак». «Кого-то нет. Кого-то жаль»* [12. Т. 2. С. 427], контаминант способствует воссозданию атмосферы этого кружка: мелкотемье разговоров, плоские шутки, построенные на случайном соединении отрывков общеизвестных текстов, ощущение пустоты и неудовлетворенности этим общением у героини рассказа.

Использованный в рассказе «Ultima Thule» контаминант *трупсик* (*труп + пупсик*) [12. Т. 4. С. 440], по Набокову, является, как и обозначенное им понятие – ребенок, рожденный в могиле, – плодом болезненного сновидения сраженного горем вдовца: *Жалко же. Такая была дорогая. И держась снутри за тебя, за пуговку, наш ребенок за тобой последовал. <...> Etes vous tout? fait certain, docteur, que la science ne connait pas de ces cas exceptionnels o? l'enfant na?t dans la tombe? (Вы совершенно уверены, доктор, что наука не знает таких исключительных случаев, когда ребенок рождается в могиле? (франц.)) И сон, который я видел: будто этот чесночный доктор (он же не то Фальтер, не то Александр Васильевич) необыкновенно охотно отвечал, что да, как же, это бывает, и таких (то есть посмертно рожденных) зовут трупсиками.*

Контаминация в данном случае выступает способом создания наименования для нового понятия. Выступая в номинативной функции, слово *трупсик* сохраняет в то же время окказиональный характер, являясь столь же неустойчивым, как и обозначенное им понятие. Это свойство отражено и в способе соединения элементов исходных единиц – наложении, характерном для окказионального словообразования. Кроме того, будучи использованным в одном контексте с принадлежащей герою рассказа характеристикой одного из персонажей сна (*доктор, он же не то Фальтер, не то Александр Васильевич*), контаминант способствует передаче состояния спутанного сознания измученного человека.

Контаминанты каламбурного характера служат у Набокова в основном средством речевой характеристики персонажа, высмеиваемого автором. Например, стихи персонажа романа «Дар» Яши, противопоставленного герою и автору романа своим невежеством и отсутствием таланта, получают такую характеристику: *«все было выражено бледно, кое-как, со множественностью неправильностей в ударениях, – у него рифмовало “предан” и “передан”, “обезличить” и “отличить”, “октябрь” занимал три места в стихотворной строке, заплатив лишь за два, “пожарище” означало большой пожар, и еще мне запомнилось*

трогательное упоминание о “фресках Врублева”, – прелестный гибрид...» [12. Т. 3. С. 37]. Контаминант Врублев (Рублев + Врубель) имитирует речевую ошибку персонажа и тем самым подчеркивает его недостаточную образованность, в то время как характеристика этого контаминанта, данная героем-автором, – прелестный гибрид – не только служит средством выражения иронии, но и демонстрирует способность автора оценить случайно возникший при образовании окказионализма эстетический эффект.

Наряду с междусловным наложением в прозе Набоков использует менее частую при создании окказиональных контаминантов **агглютинацию сегментов двух слов**. При агглютинации оба исходных слова усекаются, что может препятствовать их распознаванию, поэтому агглютинация осуществляется, как правило, между близкими по значению языковыми единицами. Созданный Набоковым контаминант *извыл (душу)* («Подвиг») показывает, что эта проблема может быть решена также за счет ближайшего контекста, в котором слово *извыл* скрещивается с компонентом фразеологизма *излил душу*: [Наказанный матерью] *Мартын ушел в парк и только там... тихо извыл душу, заедавая слезы черникой, а Софья Дмитриевна тем временем разливалась у себя в спальне* [12. Т. 2. С. 163]. В приведенном примере на усеченный компонент слова *излил* указывает также глагол *разливалась*, обозначающий действие другого персонажа. Использование контаминации в данном случае служит компрессии текста, помогает избежать повторов и, главное, способствует решению поставленной автором задачи показать степень психологической близости между героями романа.

Проблема смысловой близости исходных элементов контаминантов при агглютинации также решается Набоковым своеобразно. Контаминанты во фразе из романа «Отчаяние»: *Мне грезится новый мир, где все люди будут друг на друга похожи, как Герман и Феликс, – мир Геликсов и Ферманов, – мир, где рабочего, навиего у станка, заменит тотчас, с невозмутимой социальной улыбкой, его совершенный двойник* [12. Т. 4. С. 429], прочитываются не только в ближайшем языковом контексте, но и строятся в опоре на контекст всего произведения. В ближайшем контексте перестановка элементов слов служит для выражения идеи сходства, безликости людей в идеализируемом Феликсом социалистическом обществе, однако рассмотренные в контексте всего романа эти контаминанты в то же время отражают психологическое состояние другого персонажа – Германа, мысль о его сходстве с Феликсом и глубину его самоотожествления с двойником.

Лексические контаминанты у Набокова могут приобретать характер излюбленных писателем ребусов, попытка разгадать которые не всегда позволяет получить однозначный ответ о том, от каких слов они образованы. Таковы, например, окказионализмы *шлепоток* и *хлеблет* (*утомленных волн*) в рассказе «Лик». В ближайшем контексте словосочетания *утомленные волны* они могут быть прочитаны как образованные от слов *шлепать* и *поток* способом обычного наложения (*шлеПоток*) и от слов *хляби* и *щебет* способом агглю-

тинации (*хл-ебет*). Между тем для такого мастера слова, каким является Набоков, эта мотивировка выглядит несколько поверхностной. В то же время более широкий контекст показывает, что эти контаминанты представляют собой отражение целого комплекса звуков, воспринимаемых персонажем, а также возникших у него ассоциаций. Герой рассказа – актер Александр Лик – торопится в театр, где ему предстоит принять участие в спектакле. По пути, почувствовав внезапное недомогание в результате сердечного приступа, он отдыхает на скамейке вблизи виллы на морской набережной. *Мысль о смерти необыкновенно точно совпала с мыслью о том, что через полчаса он выйдет на освещенную сцену, скажет первые слова роли: «Je vous prie d'excuser, Madame, cette invasion nocturne» (Я прошу вас, мадам, извинить это ночное вторжение (франц.)) – и эти слова, четко и изящно выгравированные в памяти, казались гораздо более настоящими, чем шлепоток и хлеблет утомленных волн или звуки двух счастливых женских голосов, доносившиеся из-за стены ближней виллы... или даже стук собственного сердца* [12. Т. 4. С. 383].

В отрывке отражены присутствующие в сознании героя одновременно четыре «слоя» звуков: во-первых, реальные внешние звуки шума морских *утомленных волн*, с которыми могут быть связаны слова *шлепоток* и *шлепать* или *шлепок*, а также устойчивое сочетание слов *морская хлябь* и передающий звуки движущейся жидкости глагол *хлюпать*, во-вторых, *звуки двух счастливых женских голосов из-за стены*, с которыми ассоциируются слова *щебет* и *хохоток*, в-третьих, неровный стук собственного больного сердца, с которым могут быть связаны слова *шлепать* и *хляпать*, и наконец, в-четвертых, воображаемые, но казавшиеся *гораздо более настоящими* «театральные» звуки собственного приглушенного голоса, извиняющегося, согласно роли, за ночное вторжение, неизбежный *шепоток* в зале и аплодисменты (*шлепки*). Возможно, весь этот сложный комплекс звуков отразился в словах *шлепоток* и *хлеблет*. В этом случае контаминант *шлепоток* представляет собой результат наложения сразу нескольких слов: *шепоток*, *хохоток* и *шлепать* или *шлепок*, а контаминант *хлеблет* может быть рассмотрен как образованный способом агглютинации слов *хлябь*, *хлюпать* и *хляпать*, с одной стороны, и существительного *щебет* – с другой.

Анализ структуры контаминантов *шлепоток* и *хлеблет* не дает однозначного ответа на вопрос о том, какое именно из перечисленных слов стало для них мотивирующим. Например, окказионализм *хлеблет* имеет общий начальный компонент сразу с тремя возможными мотивирующими (*хл[α₁]* *ябь*, *хл[α₂]* *юпать* и *хля[α₃]* *бать*), и конечный компонент, совпадающий с концом слова *щебет* (*ш[а]* *ебет[б]*), поэтому его формула имеет вид [(α₁ = α₂ = α₃) б]. Еще более сложную и неоднозначную структуру имеет контаминант *шлепоток*. Даже если признать для него мотивирующими только два слова, *шепоток* и *шлепок*, речь в этом случае должна идти о многоместном наложении: *ш[а]* *л[β]* *ен[γ]* *ок[δ]* + *ш[а]* *ен[б]* *от[с]* *ок[д]* = [*ш(α = а)*] *л[β]* *ен[γ = б]* *от[с]* *ок[γ = д]*).

Неоднозначность толкования значения контаминантов не является, тем не менее, их недостатком, поскольку погружает читателя в мир звуков, окружающих героя, и передает его внутреннее состояние, не позволяющее различить звуки, звучащие вокруг и внутри него.

Итак, лексические контаминанты в прозе Набокова имеют характер окказионализмов и служат целям композиции текста и тем самым усиления его выразительности (напр.: *присловица*), создания новых номинативных единиц (напр.: *трупсик*) и несут особую, каждый раз новую эмоционально-эстетическую нагрузку.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ходасевич В. О Сирине // В. Набоков: Pro et contra. СПб., 1997. С. 97–99.
2. Климовская Г.И. Об одном из фундаментальных эстетических принципов (феномен выделения) // Вестник Томского государственного университета. 2004. № 282. С. 215–219.
3. Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д: Феникс, 2010. 562 с.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Сов. энцикл., 1990. 685 с.
5. Русский язык. Энциклопедия / под ред. Ю.Н. Караулова. М.: Большая Рос. энцикл.: Дрофа, 1997. 703 с.
6. Шепин А.Г. О лексической контаминации // Русская речь. 1978. № 5. С. 66–69.
7. Журавлев А.Ф. Технические возможности русского языка в области предметной номинации // Способы номинации в современном русском языке. М., 1982. С. 45–109.
8. Ефанова Л.Г. Фразеологические трансформации в аспекте системных особенностей лексики и фразеологии // Сибирский филологический журнал. 2006. № 3. С. 77–86.
9. Ефанова Л.Г. Фразеологические трансформации в речи и тексте // Вестник Томского гос. пед. ун-та. 2005. Вып. 3 (47). С. 123–127.
10. Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова и др. М.: Флинта: Наука, 2007. 840 с.
11. Климовская Г.И. Тонкий мир смыслов художественного (прозаического) текста. Методологический и теоретический очерк лингвопоэтики. Томск: Изд-во НТЛ, 2009. 168 с.
12. Набоков В.В. Собр. соч.: в 4 т. М.: Правда, 1990. Т. 1–4.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 27 декабря 2014 г.

LEXICAL BLENDING AS A STYLISTIC DEVICE IN THE PROSE OF VLADIMIR NABOKOV

Tomsk State University Journal, 2015, 393, 43–47. DOI 10.17223/15617793/393/6

Shamyayunova Margarita D. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: margarita-tomsk@mail.ru

Keywords: blend; speech artistic form; occasional word; lexical clipping; lexical overlap.

Lexical blending is a connection of the parts of two different words or a whole word and a part of another word. As a result of blending a new word is formed that is called blend, for example: *biology + electronics = bionics*. There are two types of lexical blending: clipping and overlap. Lexical clipping is when a whole word and one part of another word or the first part of one word and the end part of another word have concurring components and are connected (*modulator + demodulator = modem*). The structural scheme of the overlap may be $[a (b = \alpha) \beta]$ or $[a (b = \beta) \gamma]$, etc. Lexical overlap is when the end of one word is replaced by the first part of another word (*breakfast + lunch = brunch*). The structural scheme of the overlap is $[ab + \alpha\beta = a\beta]$. When lexical overlap is used as a stylistic method, a certain stylistic effect is produced. Authors use this effect of the blend to create the comic, for example: *mordal'on (A. Averchenko) = morDA (mug) + meDAL'ion (medallion)*. Functions of lexical blends were essentially extended in modernistic literature when a speech artistic form appeared separate from the content, literary form proper and language of literary work, as an "additional building part" of fiction and poetry (G.I. Klimovskaya). An example of the use of blends for the creation of an unusual and new stylistic effect is the prose of Vladimir Nabokov. Lexical blends in Vladimir Nabokov's prose perform diverse functions. For example, occasional word *trUPsik* in a short story "Ultima Thule" is formed by clipping the words *trUP (corpse)* and *pUPsik (naked baby doll)*. This blend performs the nominative function and signifies a baby born in a grave. At the same time this blend, arising in a dream of a heart-broken widower, contributes to the rendering of the character's state of mind. Blends *Helix* and *Ferman* from the novel *Otchayaniye (Despair)* are formed from names *Herman* and *Felix* $[ab + \alpha\beta = a\beta + ab]$. These blends, on one hand, reflect the intensity of self-identification of one of the characters, Herman, with another character, Herman. On the other hand, each blend serves as a means to express the idea of similarity and depersonalization of people in a socialist society, and also as a means to express the ironical attitude to this idea.

REFERENCES

1. Khodasevich V. O *Sirine* [On Sirin]. In: Averin B.V. (ed.) *V. Nabokov: pro et contra* [Vladimir Nabokov: pro et contra]. St. Petersburg: RKhGI Publ., 1997, pp. 97–99.
2. Klimovskaya G.I. Ob odnom iz fundamental'nykh esteticheskikh printsipov (fenomen vydeleniya) [On one of the fundamental aesthetic principles (the phenomenon of emphasis)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2004, no. 282, pp. 215–219.
3. Matveeva T.V. *Polnyy slovar' lingvisticheskikh terminov* [Complete dictionary of linguistic terms]. Rostov-on-Don: Feniks Publ., 2010. 562 p.
4. Yartseva V.N. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1990. 685 p.
5. Karaulov Yu.N. (ed.) *Russkiy yazyk. Entsiklopediya* [Russian language. Encyclopedia]. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya: Drofa Publ., 1997. 703 p.
6. Shchepin A.G. O leksicheskoy kontaminatsii [On lexical blending]. *Russkaya rech'*, 1978, no. 5, pp. 66–69.

7. Zhuravlev A.F. *Tekhnicheskie vozmozhnosti russkogo yazyka v oblasti predmetnoy nominatsii* [Technical capabilities of the Russian language in object naming]. In: Shmelyov D.N. (ed.) *Sposoby nominatsii v sovremennom russkom yazyke* [Methods of nomination in modern Russian]. Moscow: Nauka Publ., 1982, pp. 45–109.
8. Efanova L.G. *Frazeologicheskie transformatsii v aspekte sistemnykh osobennostey leksiki i frazeologii* [Phraseological transformations in terms of systemic features of vocabulary and phraseology]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*, 2006, no. 3, pp. 77–86.
9. Efanova L.G. *Phraseological Transformations in Speech and Text*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2005, no. 3 (47), pp. 123–127. (In Russian).
10. Ivanov L.Yu., Skovorodnikov A.P. et al. (eds.) *Kul'tura russkoy rechi: entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik* [Culture of Russian speech: encyclopedic reference dictionary]. Moscow: Flinta: Nauka Publ., 2007. 840 p.
11. Klimovskaya G.I. *Tonkiy mir smyslov khudozhestvennogo (prozaicheskogo) teksta. Metodologicheskii i teoreticheskii ocherk lingvopoetiki* [Subtle world of senses of art (prose) text. Methodological and theoretical essay on linguopoetics]. Tomsk: NTL Publ., 2009. 168 p.
12. Nabokov V.V. *Sobraniye sochineniy: v 4 t.* [Works: in 4 v.]. Moscow: Pravda Publ., 1990. Vol. 1–4.

Received: 27 December 2014